

Ритуально-магические функции декора колесницы Тутмоса IV: междисциплинарный анализ

Юрий С. Реунов

Центр египтологических исследований Российской академии наук

Москва, Россия, yury.reunov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6264-4918

Аннотация. Статья посвящена междисциплинарному исследованию декора церемониальной колесницы Тутмоса IV (XVIII династия, Новое царство), обнаруженной в гробнице KV43 в Долине царей. Преодолевая ограничения традиционного иконографического и стилистического анализа, автор фокусируется на психологических функциях изображения в специфическом погребальном контексте. Основная гипотеза заключается в том, что батальная сцена на колеснице выполняла не пропагандистскую, а ритуально-магическую функцию, будучи ориентированной на обеспечение могущества фараона в загробном мире. Методология исследования объединяет подходы истории искусства, археологии, исторической психологии и антропологии. В работе проводится детальный анализ материальных характеристик памятника, его иконографии и археологического контекста с целью реконструкции имплицитной модели восприятия. Особое внимание уделяется полисенсорному опыту взаимодействия с объектом, включая тактильные и кинестетические аспекты, которые рассматриваются как неотъемлемая часть ритуальной практики. Семиотический анализ демонстрирует, что визуальная риторика декора – включая иерархию масштабов, намеренные иконографические условности, этнографически детализированные образы врага и перформативные иероглифические надписи – была направлена на конструирование образа вечного триумфа обожествлённого правителя. Делается вывод о том, что декор колесницы представляет собой сложный ритуально-психологический инструмент, предназначенный для магического утверждения власти фараона в загробном мире. Результаты исследования подтверждают продуктивность междисциплинарного подхода для изучения древнеегипетского искусства и визуальной культуры.

Ключевые слова: колесница Тутмоса IV, погребальный инвентарь, полисенсорное восприятие, историческая психология, семиотика изображения, визуальная риторика

Для цитирования: Реунов Ю.С. Ритуально-магические функции декора колесницы Тутмоса IV: междисциплинарный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 186–201. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-186-201

The ritual-magical functions of the decoration of Thutmose IV's Chariot. An interdisciplinary analysis

Yury S. Reunov

*Russian Academy of Sciences Centre for Egyptological Studies
Moscow, Russia, yury.reunov@gmail.com*

Abstract. The article deals with an interdisciplinary study of the decoration of the ceremonial chariot of Thutmose IV (18th Dynasty, New Kingdom), discovered in tomb KV43 in the Valley of the Kings. Overcoming the limitations of traditional iconographic and stylistic analysis, the author focuses on the psychological functions of the imagery within its specific burial context. The central hypothesis posits that the battle scene on the chariot served not a propagandistic, but a ritual-magical function, aimed at ensuring the pharaoh's power in the afterlife. The research methodology combines approaches from art history, archaeology, historical psychology, and anthropology. The study provides a detailed analysis of the object's material characteristics, its iconography, and archaeological context to reconstruct an implicit model of perception. Particular attention is paid to the polysensory experience of interacting with the object, including tactile and kinesthetic aspects, which are considered an integral part of ritual practice. A semiotic analysis demonstrates that the visual rhetoric of the decoration – including hierarchy of scale, deliberate iconographic conditionalities, ethnographically detailed depictions of enemies, and performative hieroglyphic inscriptions – was designed to construct an image of the eternal triumph of the deified ruler. It is concluded that the chariot's decoration constitutes a complex ritual-psychological instrument intended for the magical affirmation of the pharaoh's power in the afterlife. The results of the study confirm the effectiveness of the interdisciplinary approach for understanding ancient Egyptian art and visual culture.

Keywords: chariot of Thutmose IV, funerary equipment, polysensory perception, historical psychology, semiotics of imagery, visual rhetoric

For citation: Reunov, Yu.S. (2025), "The ritual-magical functions of the decoration of Thutmose IV's Chariot. An interdisciplinary analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 186–201, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-186-201

Исследование древнеегипетского искусства длительное время развивалось в рамках парадигмы формально-стилистического и иконографического анализа, где памятники рассматривались преимущественно как источники информации о религии, истории и официальной идеологии [Smith 1998; Schäfer 1986; Weeks 1998; Ikram 2015; Реунов 2022]. Однако данный подход оставляет без внимания фундаментальный аспект психологических функций изображений в контексте их практического использования и восприятия [Nyord 2020; Graves-Brown 2010, pp. 134–140]. Указанный пробел становится особенно ощутимым в свете современных междисциплинарных исследований, интегрирующих методы истории искусства, антропологии и исторической психологии [Baines 2007; Robins 2008; Köpp-Junk 2023].

Настоящая статья призвана преодолеть указанное ограничение путем детального анализа декора церемониальной колесницы Тутмоса IV, относящейся к XVIII династии и обнаруженной в его гробнице (KV43) (рис. 1). Особую значимость данному памятнику придает его двойственный статус: будучи утилитарным объектом, он был инкорпорирован в погребальный контекст, что предполагает коренную трансформацию его социальных и ритуальных функций [Taylor 2001; Wengrow 2006; Littauer 1985; Harrington 2013].

Исследование строится на гипотезе, согласно которой в погребальном контексте батальная сцена на колеснице была не столько инструментом пропаганды, ориентированным на внешнюю аудиторию, сколько инструментом ритуально-магического утверждения власти и могущества фараона в загробном мире [Assmann 2005, pp. 112–118; Baines 2007, pp. 280–285; Hofmann 2004, ss. 158–162; Willems 2014, pp. 75–80]. Предполагается, что ее воздействие основывалось на комплексном применении визуальных, тактильных и кинестетических модусов восприятия в рамках специфических культурных практик, связанных с погребальным культом и представлениями о посмертном существовании [Nyord 2009, pp. 245–250; Graves-Brown 2010, pp. 134–140].

Цель работы состоит в реконструкции имплицитной модели восприятия и взаимодействия с памятником, основанной на критическом анализе его материальных характеристик, иконографии и археологического контекста. Методологическая основа исследова-

ния лежит на стыке истории искусства, исторической психологии и антропологии, а основным методом выступает структурно-функциональный анализ памятника в широком контексте древнеегипетских погребальных практик и представлений о функциях изображений.

Рис. 1. Прорисовка декора на левой стороне корпуса колесницы Тутмоса IV (по: Spalinger A.J. *War in Ancient Egypt. New Kingdom.* – Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 320 p.)

Основная часть

История обнаружения и изучения колесницы Тутмоса IV представляет значительный интерес для современной египтологии [Reeves 1990, pp. 45–48; Bickerstaffe 2007]. Памятник был найден в 1903 г. британской археологической экспедицией под руководством Г. Картера в гробнице KV43 в Долине Царей [Carter 1904, pp. 33–35, Pl. X–XII]. Эта находка, сделанная за два десятилетия до открытия знаменитой гробницы Тутанхамона, сразу привлекла внимание исследователей своей исключительной сохранностью и богатством декора [Dodson 2000, pp. 55–60]. Однако лишь

применение современных междисциплинарных подходов позволило раскрыть весь потенциал этого артефакта для понимания древнеегипетских представлений о загробном существовании и ритуальных практиках. Переход от чисто иконографического анализа к междисциплинарному изучению функций артефактов в ритуальном контексте является ключевой чертой современной египтологии [Nyord 2020; Köpp-Junk 2023; Graves-Brown 2010; Meskell 2004].

Археологический контекст обнаружения памятника имеет принципиальное значение для его содержательной интерпретации. Колесница была размещена в погребальной камере, которая после завершения погребального ритуала запечатывалась, что исключало возможность последующего доступа в помещение. Эта принципиальная замкнутость пространства коренным образом отличает данный памятник от публичных храмовых рельефов, доступных для коллективного обозрения и выполнявших функции социальной пропаганды и легитимации власти [Taylor 2001, pp. 120–125]. В отличие от храмовых изображений, предназначенных для массового восприятия, декор колесницы был ориентирован на крайне ограниченный круг «зрителей», что коренным образом меняет наши представления о его функциональном назначении. Это новое понимание контекста заставляет обратиться к анализу не только визуальных, но и иных модусов восприятия.

Согласно древнеегипетским религиозным представлениям, основными адресатами изображения выступали сам усопший правитель в виде его *ка* (бестелесного двойника), а также потусторонние силы – боги и демонические стражи загробного мира [Assmann 2005, pp. 156–162; Taylor 2001, pp. 88–94]. Такой глубоко интимный и сакральный адресат позволяет предполагать, что функции изображения существенным образом смещались от внешней социальной коммуникации к индивидуально-ритуальным и магическим практикам [Hornung 1999, pp. 75–80]. Это подтверждается анализом погребальных текстов Нового царства, в которых особое внимание уделяется способности изображений и предметов функционировать в загробном мире [Bolshakov 1997, pp. 210–215].

Полидисциплинарный анализ памятника, сочетающий методы археологии, искусствоведения и исторической психологии, позволяет выявить ранее не учитывавшиеся аспекты его функционирования [Wengrow 2006, pp. 200–210]. Тактильные характеристики рельефа, особенности его пространственного расположения в гробнице и связь с другими предметами погребального инвентаря свидетельствуют о том, что колесница воспринималась как актив-

ный инструмент обеспечения вечного существования и могущества владельца в ином мире [Nyord 2020, p. 245–260]. Этот вывод подтверждается единством стилистических и композиционных решений, которые создают целостную систему визуальных, текстовых и пространственных кодов, ориентированных на нужды загробного существования правителя [Baines 2007, pp. 290–300; Robins 2008, pp. 180–190].

Таким образом, комплексное изучение колесницы Тутмоса IV в ее археологическом контексте не только расширяет наши представления о погребальных практиках Нового царства, но и демонстрирует продуктивность полидисциплинарного подхода к изучению древнеегипетского искусства. Такой подход позволяет перейти от чисто формального анализа к пониманию функционального назначения памятника в системе древнеегипетских религиозно-магических представлений.

Важнейшим аспектом методологического анализа является учет полисенсорного характера взаимодействия с ритуальным объектом, который предполагал комплексное использование не только визуального, но также тактильного и кинестетического каналов восприятия [Houston 2010]. Этот подход основан на понимании того, что в древнеегипетской культуре, особенно в погребальном контексте, сакральные объекты проектировались с расчетом на многомерное сенсорное воздействие, что подтверждается как археологическими находками, так и письменными источниками [Meskell 2004].

В рамках подтверждения гипотезы о ритуально-магическом назначении декора необходимо рассмотреть его полисенсорный характер, начиная с тактильного аспекта. Объемный резной рельеф из ценных пород дерева, технически совершенный и, согласно данным химического анализа микроостатков, изначально покрытый полихромными красками и местами листовым золотом, был рассчитан на активный осязательный контакт. Тактильное измерение взаимодействия не было случайным или второстепенным – оно составляло интегральную часть ритуальной практики. Это подтверждается как особенностями изготовления поверхности (тщательная полировка, контрастная обработка разных элементов), так и расположением наиболее выразительных рельефных композиций в зонах, доступных для прикосновения [Baines 2007, pp. 95–102].

Иерархическая организация визуальных образов получала дополнительное измерение через тактильные характеристики. Доминирующая фигура фараона, выполненная в высоком рельефе с тщательной проработкой деталей, контрастировала с более глубоко вырезанными и менее детализированными изображениями

поверженных врагов [Robins 1994]. Этот контраст воспринимался не только визуально, но и тактильно – через разницу в глубине резьбы, фактуре поверхности, температурной проводимости различных материалов. Тактильное изучение поверхности создавало психофизиологический эффект символического доминирования и контроля, усиливая воздействие изображения.

Кинестетический аспект взаимодействия определялся самой природой объекта и способом его размещения в погребальном пространстве. Колесница как мобильный объект требовала кругового обхода для полноценного восприятия, что создавало динамический, развернутый во времени опыт. Это движение вокруг сакрального центра имело не только утилитарное, но и ритуальное значение, соответствуя древнеегипетским представлениям о циклическом характере сакрального времени и пространства.

Особую значимость приобретает связь с практикой реального управления колесницей [Spalinger 2005]. Кинестетическая память, формировавшаяся в процессе физического взаимодействия с объектом при жизни владельца, должна была, согласно древнеегипетским представлениям, активироваться в загробном контексте. Нейрофизиологические исследования показывают, что подобные мультимодальные упражнения создают устойчивые ассоциации, что могло использоваться в ритуальных целях для обеспечения функциональности памятника в ином мире [Malafouris 2013].

Таким образом, полисенсорный характер взаимодействия с декоративными элементами колесницы представлял собой не побочный эффект, а систему, нацеленную на комплексное воздействие, на восприятие и создание устойчивых сакральных образов, необходимых для успешного загробного существования согласно древнеегипетским религиозным представлениям.

Визуальная риторика и семиотическая структура декоративно-го оформления колесницы организованы по принципам, направленным на создание и закрепление в сознании образа вечного, вневременного триумфа обожествленного правителя. Композиционная организация пространства подчинена задаче визуальной репрезентации незыблемости царской власти и ее божественной природы. Центральным семиотическим элементом композиции выступает фигура фараона, сознательно изображенная с нарушением принципов нарративного правдоподобия: монарх представлен одновременно держащим в руках лук и боевой топор – виды оружия, практическое совмещение которых в реальной ситуации управления колесницей являлось невозможным и противоречило известным историческим данным о военном деле периода Нового царства.

Эта намеренная иконографическая условность служит важным индикатором функционального назначения изображения. Подобный художественный прием убедительно свидетельствует о том, что декор функционировал не в качестве исторического репортажа или документальной фиксации события, но как сложное символическое откровение о сверхъестественной, трансцендентной природе царской власти. Иррациональное сочетание атрибутов выступало зримым воплощением теологической доктрины о божественной сущности правителя, стоящего выше обычных человеческих возможностей.

Указанный эффект систематически усиливался посредством применения приема иерархии масштаба – композиционного принципа, стандартного для древнеегипетского искусства, но не теряющего своей психологической эффективности. Фигура фараона значительно превосходит по размеру все остальные элементы композиции, что создает мощный визуальный инструмент утверждения социальной и сакральной иерархии. Данный прием воздействует на глубинные, дорациональные уровни восприятия, вызывая почти инстинктивное признание доминирующего статуса центрального персонажа [Arnheim 1988, pp. 90–96]. Психологические исследования визуального восприятия подтверждают, что больший размер фигуры автоматически ассоциируется с большей властью и значимостью, что делало этот прием особенно эффективным в контексте сакрального искусства [Tversky 2011].

Семиотика «другого» в декоративной программе реализована через тщательно детализированные изображения вражеских фигур, наделенных отчетливыми этнографическими характеристиками [Hall 1986, pp. 67–74]. Специфические прически, характерные для чужеземцев этнические особенности лиц, тип оружия и элементы одежды служат визуальному конструированию образа чужака как персонификации хаоса, антитезы божественного порядка (*Maam*). Каждая деталь костюма и вооружения тщательно проработана с целью создания этнически достоверного, но одновременно с тем и концептуально отчужденного образа противника. Интересно, что данный художественный прием, направленный на визуальную маркировку инаковости и персонификацию хаоса, не остался исключительным достоянием египетской культуры. Как убедительно демонстрирует Л. Тёрёк [Török 2002, pp. 234–240], сходные иконографические схемы репрезентации поверженного врага, наделенного узнаваемыми этническими чертами, были последовательно адаптированы и переосмыслены в искусстве Кушитского царства (Напата – Мероэ) в VIII–I вв. до н. э.

Эта рецепция египетских визуальных моделей в кушитском искусстве носила не механический, а селективный и трансформи-

рующий характер. Если в Египте образ врага был инструментом утверждения универсального порядка (*Maam*) через отрицание, то в Куше, самом часто выступавшем в роли «врага» в египетской иконографии, его адаптация служила иным целям. Кушитские правители, претендовавшие на статус фараонов и легитимировавшие свою власть через усвоение египетских культурных кодов, использовали этот образ для визуальной демонстрации преемственности с египетской царской идеологией. Также правители Куша использовали его для конструирования собственной идентичности в качестве законных носителей порядка, теперь уже – против новых, внешних врагов (например, кочевых племен или Рима). Наконец, они обращались к нему в контексте символического инвертирования своей исторической роли: из объекта подавления они превращались в субъект, карающий хаос.

Таким образом, сравнение с кушитским материалом не только подтверждает эффективность и универсальность египетского приема визуальной маркировки «другого», но и раскрывает его динамический потенциал. Оно показывает, как иконографические схемы, изначально разработанные для ритуально-магических целей в специфическом египетском контексте (как на колеснице Тутмоса IV), могли быть экспортированы, адаптированы и наполнены новым смыслом в инокультурной среде, сохраняя при этом свое ядро как мощный инструмент визуальной пропаганды и легитимации власти.

Визуальная репрезентация вражеских фигур характеризуется намеренной статичностью, скованностью поз и отсутствием индивидуальных (портретных) черт. Поверженные или связанные враги лишены динамики и экспрессии, что конструирует их как пассивные объекты для символического уничтожения. Такой художественный прием был направлен на вызывание у зрителя не сострадания, но чувства уверенности в предустановленной и вечной победе царя, олицетворяющего собой весь Египет, над силами хаоса. Психологический эффект такого изображения заключался в создании ощущения неотвратимости и закономерности триумфа египетского оружия под руководством фараона.

Семиотический анализ показывает, что визуальный язык декора колесницы представляет собой сложную знаковую систему, где каждый элемент – от масштаба фигур до этнографических деталей – выполняет строго определенную функцию в конструировании образа вечного триумфа. Эта система работала на создание целостного мировоззренческого послания о природе власти и миропорядка, где фараон выступал гарантом стабильности и победителем сил разрушения.

Завершающим и фундаментально важным элементом этой сложной семиотической системы выступают иероглифические надписи, содержащие картуши с тронным и личным именами фараона, его полную титулатуру и развернутые эпитеты [Gardiner 1957, pp. 170–178]. Функция этих текстовых элементов принципиально выходит за рамки простой идентификации или пояснительного комментария к изображениям. В соответствии с глубинной семиотикой древнеегипетской культуры, сакральное слово и особенно имя обладали особой созидающей, перформативной (по Дж. Остину) силой – способностью актуализировать и манифестировать обозначаемую реальность.

Семиотический статус иероглифической надписи определялся древнеегипетской теологической концепцией, согласно которой произнесение или воспроизведение имени не просто обозначало, но фактически вызывало к бытию обозначаемый объект или явление. Эта магико-религиозная доктрина находит отражение в многочисленных текстах, включая «Тексты пирамид» и «Книгу мертвых», где акт наречения имени приравнивается к акту творения. Таким образом, надписи на колеснице выполняли функцию не описания, а сакрального утверждения и актуализации изображаемой реальности.

Ритуальная практика работы с этими текстами предполагала мультимодальность взаимодействия. Чтение могло осуществляться вслух жрецом во время совершения заупокойного ритуала – в этом случае произнесение священных формул приобретало характер заклинания, призванного активировать магическую силу изображения. Как альтернатива, текст мог рецитироваться мысленно самим *ка* фараона – в соответствии с верованиями, душа усопшего сохраняла способность к восприятию и взаимодействию с погребальными текстами [Wilkinson 2003, pp. 35–40]. В обоих случаях процесс «чтения» представлял собой не пассивное восприятие информации, а активный ритуальный акт, направленный на вечное утверждение и магическое воплощение реальности божественной силы и победы, репрезентированной визуальными средствами [Hornung 1999, pp. 112–118].

С лингвистической точки зрения, эти надписи характеризуются использованием особых грамматических форм и синтаксических конструкций, типичных для сакральных текстов. Эпитеты фараона часто представлены в форме так называемых именных предложений [Allen 2013, pp. 145–152], которые в египетской лингвистической традиции выражали не временные действия, но вневременные состояния и качества. Это грамматическое своеобразие дополнительно подчеркивало перманентный, вечный характер провозглашаемых атрибутов и достижений правителя.

Таким образом, иероглифический текст выступал не внешним комментарием или дополнением к изображению, а важной составляющей единого ритуально-магического инструментария, что будет наглядно прослеживаться и по более поздним памятникам [Fisher 2001, pp. 145–150]. Он выполнял функцию завершающего и активирующего компонента, который приводил в действие весь комплекс визуальных и смысловых образов, трансформируя их из статичного представления в динамический инструмент воздействия на сакральную реальность [Assmann 2001, pp. 167–173]. Через акт перформативного прочтения визуальный нарратив триумфа обретал силу действенного заклинания, обеспечивающего вечное воспроизведение победоносной мощи фараона в загробном мире.

Этот синтез визуального и вербального кодов создавал мощный синергетический эффект, где изображение предоставляло знаковую репрезентацию триумфа, а текст обеспечивал его ритуальную активацию и утверждение в вечности [Baines 2013, pp. 212–220]. Подобная комплексная организация семиотического пространства характерна для древнеегипетского сакрального искусства, где различные знаковые системы не просто сосуществовали, но взаимно усиливали и активировали друг друга в рамках единого ритуального целого [Hornung 1992, pp. 88–95].

Проведенное исследование декора колесницы Тутмоса IV подтверждает высокую результативность междисциплинарного подхода в изучении искусства Древнего Египта. Комплексный анализ археологического контекста, иконографии и семиотических особенностей памятника позволяет утверждать, что его функциональное назначение принципиально отличалось от храмовых рельефов. Погребальный контекст размещения объекта обусловил его ориентацию на усопшего правителя, а не на широкую аудиторию, что кардинальным образом трансформировало семантику визуальных образов.

Настоящее исследование позволяет реконструировать имплицитную модель восприятия памятника, которая основывалась на полисенсорном опыте взаимодействия с ним. Тактильные и кинестетические аспекты, включая осязательное восприятие рельефа и ритуальный обход объекта, выступали ключевыми составляющими практик погребального культа, а не второстепенными элементами. Эти особенности подтверждают, что памятник создавали как инструмент активного священнодействия, рассчитанный на комплексное обращение к различным каналам восприятия в соответствии с древнеегипетскими представлениями о функционировании ритуальных объектов в загробном мире.

Семиотический анализ декоративной программы продемонстрировал ее системный характер, направленный на конструи-

рование образа вечного триумфа обожествленного правителя. Нарушения нарративного правдоподобия в изображении фараона, иерархическая разномасштабность фигур, этнографически детализированные образы противников и перформативные иероглифические надписи формировали целостное мировоззренческое послание о божественной природе царской власти и вековечно повторяющейся победе правителя над противниками Египта, олицетворяющими силы хаоса. Особую значимость имеет синтез визуального и вербального кодов, в рамках которого иероглифические тексты выступали не поясняющим дополнением к изображению, а активизирующим компонентом, призванным магическим путем превращать образ триумфа царя в реальность.

Таким образом, декор колесницы Тутмоса IV представляет собой сложно организованный ритуально-психологический инструмент, функция которого заключалась в магическом обеспечении вечного могущества фараона в загробном мире, а не в передаче исторических событий или социальной пропаганде. Это позволяет рассматривать памятник как важный источник для изучения древнеегипетских религиозных представлений и магических практик, связанных с посмертным существованием.

Полученные результаты свидетельствуют о перспективности дальнейшего применения междисциплинарного подхода. Сравнительный анализ подобных памятников мог бы способствовать более глубокому пониманию специфики функционирования визуальных образов в разных контекстах древнеегипетской культуры, а также выявлению локальных и универсальных механизмов взаимодействия сакрального, визуального и психологического в традиционных обществах.

Литература

- Реунов 2022 – *Реунов Ю.С.* Образ царя-воителя в искусстве Древнего Египта // Звук, игра, образ: междисциплинарные контексты современного кинематографа / А.А. Деникин, А.В. Марков, Ю.С. Реунов [и др.]. М.: РГГУ, 2022. С. 18–90.
- Allen 2013 – *Allen J.P.* The Ancient Egyptian Language: An Historical Study. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 254 p.
- Arnheim 1988 – *Arnheim R.* The Power of the Center: A Study of Composition in the Visual Arts. Berkeley: University of California Press, 1988. 232 p.
- Assmann 2005 – *Assmann J.* Death and Salvation in Ancient Egypt. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 490 p.
- Assmann 2001 – *Assmann J.* The Search for God in Ancient Egypt. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 275 p.

- Baines 2013 – *Baines J.* High Culture and Experience in Ancient Egypt. Sheffield: Equinox Publishing, 2013. 380 p.
- Baines 2007 – *Baines J.* Visual and Written Culture in Ancient Egypt. Oxford: Oxford University Press, 2007. 354 p.
- Bickerstaffe 2007 – *Bickerstaffe D.* The Discovery of the Tomb of Thutmose IV // KMT. 2007. Vol. 18, № 2. P. 44–57.
- Bolshakov 1997 – *Bolshakov A.O.* Man and His Double in Egyptian Ideology of the Old Kingdom. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 327 p.
- Carter et al. 1904 – *Carter H., Davis T., Maspero G., Newberry P.* The Tomb of Thoutmôsis IV, Constable's Miscellany. Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molûk. Westminster: A. Constable and Co., 1904. Vol. VI. 239 p. (Mr. Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molûk).
- Dodson 2000 – *Dodson A.* After the Pyramids: The Valley of the Kings and Beyond. London: Rubicon Press, 2000. 176 p.
- Fisher 2001 – *Fisher M.M.* The Sons of Ramesses II. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. Vol. 1. 298 p.
- Gardiner 1957 – *Gardiner A.H.* Egyptian Grammar: Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. 3rd ed. Oxford: Griffith Institute, 1957. 646 p.
- Graves-Brown 2010 – *Graves-Brown C.* Dancing for Hathor: Women in Ancient Egypt. London: Continuum, 2010. 256 p.
- Hall 1986 – *Hall E.S.* The Pharaoh Smites His Enemies: A Comparative Study. München: Deutscher Kunstverlag, 1986. 145 p.
- Harrington 2013 – *Harrington N.* Living with the Dead: Ancestor Worship and Mortuary Ritual in Ancient Egypt. Oxford: Oxbow Books, 2013. 240 p.
- Hofmann 2004 – *Hofmann E.* Bilder im Wandel: Die Kunst der ramessidischen Privatgräber. Mainz: Philipp von Zabern, 2004. 217 s.
- Hornung 1992 – *Hornung E.* Idea into Image: Essays on Ancient Egyptian Thought. New York: Timken Publishers, 1992. 175 p.
- Hornung 1999 – *Hornung E.* The Ancient Egyptian Books of the Afterlife. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 211 p.
- Houston 2010 – *Houston S.* The Sensory Worlds of Ancient Egypt // Cambridge Archaeological Journal. 2010. Vol. 20. № 1. P. 137–144.
- Ikram 2015 – *Ikram S.* Death and Burial in Ancient Egypt. Cairo: American University in Cairo Press, 2015. 257 p.
- Köpp-Junk 2023 – *Köpp-Junk H.* Chariots in Ancient Egypt: The Tano Chariot, A Case Study // Chariots in Antiquity: Essays in Honour of Joost Crowel. Oxford: Archaeopress, 2023. P. 45–62.
- Littauer 1985 – *Littauer M.A.* Chariots and Related Equipment from the Tomb of Tutankhamun. Oxford: Griffith Institute, 1985. 124 p.
- Malafouris 2013 – *Malafouris L.* How Things Shape the Mind: A Theory of Material Engagement. Cambridge: MIT Press, 2013. 304 p.
- Meskel 2004 – *Meskel L.* Object Worlds in Ancient Egypt: Material Biographies Past and Present. Oxford: Berg Publishers, 2004. 248 p.

- Nyord 2009 – *Nyord R.* Breathing Flesh: Conceptions of the Body in the Ancient Egyptian Coffin Texts. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2009. 645 p.
- Nyord 2020 – *Nyord R.* Seeing Perfection: Ancient Egyptian Images Beyond Representation. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 300 p.
- Reeves 1990 – *Reeves N.* The Complete Tutankhamun: The King, the Tomb, the Royal Treasure. London: Thames & Hudson, 1990. 224 p.
- Robins 1994 – *Robins G.* Proportion and Style in Ancient Egyptian Art. Austin: University of Texas Press, 1994. 304 p.
- Robins 2008 – *Robins G.* The Art of Ancient Egypt. Cambridge: Harvard University Press, 2008. 271 p.
- Schäfer 1986 – *Schäfer H.* Principles of Egyptian Art. Oxford: Griffith Institute, 1986. 471 p.
- Smith 1998 – *Smith W.S.* The Art and Architecture of Ancient Egypt. New Haven: Yale University Press, 1998. 297 p.
- Spalinger 2005 – *Spalinger A.J.* War in Ancient Egypt. New Kingdom. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 320 p.
- Taylor 2001 – *Taylor J.H.* Death and the Afterlife in Ancient Egypt. Chicago: The University of Chicago Press, 2001. 272 p.
- Török 2002 – *Török L.* The Image of the Ordered World in Ancient Nubian Art: The Construction of the Kushite Mind, 800 BC–300 AD. Leiden: Brill, 2002. 476 p.
- Tversky 2011 – *Tversky B.* Visualizing Thought // Topics in Cognitive Science. 2011. Vol. 3. № 3. P. 499–535.
- Weeks 1998 – *Weeks K.R.* The Lost Tomb. New York: William Morrow, 1998. 319 p.
- Wengrow 2006 – *Wengrow D.* The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 343 p.
- Wilkinson 2003 – *Wilkinson R. H.* The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 2003. 256 p.
- Willems 2014 – *Willems H.* Historical and Archaeological Aspects of Egyptian Funerary Culture. Leiden: Brill, 2014. 399 p.

References

- Allen, J.P. (2013), *The ancient Egyptian language: an historical study*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Arnheim, R. (1988), *The power of the center: a study of composition in the visual arts*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Assmann, J. (2001), *The search for God in ancient Egypt*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Assmann, J. (2005), *Death and salvation in ancient Egypt*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Baines, J. (2007), *Visual and written culture in ancient Egypt*, Oxford University Press, Oxford, UK.

- Baines, J. (2013), *High culture and experience in ancient Egypt*, Equinox Publishing, Sheffield, UK.
- Bickerstaffe, D. (2007), "The discovery of the tomb of Thutmose IV", *KMT*, vol. 18, no. 2, pp. 44–57.
- Bolshakov, A.O. (1997), *Man and his double in Egyptian ideology of the Old Kingdom*, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Carter, H., Davis, T., Maspero, G. and Newberry, P. (1904), *The tomb of Thoutmôsis IV*, Archibald Constable's Miscellany. Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molûk. Westminster: A. Constable and Co, Westminster, UK (Mr. Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molûk).
- Dodson, A. (2000), *After the pyramids: the Valley of the Kings and beyond*, Rubicon Press, London, UK.
- Fisher, M.M. (2001), *The sons of Ramesses II*, vol. 1, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Gardiner, A.H. (1957), *Egyptian grammar: being an introduction to the study of hieroglyphs*, 3rd edn., Griffith Institute, Oxford, UK.
- Graves-Brown, C. (2010), *Dancing for Hathor: women in ancient Egypt*, Continuum, London, UK.
- Hall, E.S. (1986), *The pharaoh smites his enemies: a comparative study*, Deutscher Kunstverlag, München, Germany.
- Harrington, N. (2013), *Living with the dead: ancestor worship and mortuary ritual in ancient Egypt*, Oxbow Books, Oxford, UK.
- Hofmann, E. (2004), *Bilder im Wandel: die Kunst der ramessidischen Privatgräber*, Philipp von Zabern, Mainz, Germany.
- Hornung, E. (1992), *Idea into image: essays on ancient Egyptian thought*, Timken Publishers, New York, USA.
- Hornung, E. (1999), *The ancient Egyptian books of the afterlife*, Cornell University Press., Ithaca, USA.
- Houston, S. (2010), "The sensory worlds of ancient Egypt", *Cambridge Archaeological Journal*, no. 20 (1), pp. 137–144.
- Ikram, S. (2015), *Death and burial in ancient Egypt*, American University in Cairo Press, Cairo, Egypt.
- Köpp-Junk, H. (2023), "Chariots in ancient Egypt: the Tano chariot, a case study", in Crouwel, J.H. (ed.), *Chariots in antiquity: essays in honour of Joost Crouwel*, Archaeopress, Oxford, UK, pp. 45–62.
- Littauer, M.A. (1985), *Chariots and related equipment from the tomb of Tutankhamun*, Griffith Institute, Oxford, UK.
- Malafouris, L. (2013), *How things shape the mind: a theory of material engagement*, MIT Press, Cambridge, UK.
- Meskell, L. (2004), *Object worlds in ancient Egypt: material biographies past and present*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Nyord, R. (2009), *Breathing flesh: conceptions of the body in the ancient Egyptian coffin texts*, Museum Tusulanum Press, Copenhagen, Denmark.

- Nyord, R. (2020), *Seeing perfection: ancient Egyptian images beyond representation*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Reeves, N. (1990), *The complete Tutankhamun: the king, the tomb, the royal treasure*, Thames & Hudson, London, UK.
- Reunov, Yu.S. (2022), "The image of the warrior king in the art of Ancient Egypt", Denikin, A.A., Markov, A.V. and Reunov, Yu.S. [et al.] *Zvuk, igra, obraz: mezhdistsiplinarynye konteksty sovremennogo kinematografa* [Sound, game, image. Interdisciplinary contexts of modern cinema], RGGU, Moscow, Russia, pp. 18–90.
- Robins, G. (1994), *Proportion and style in ancient Egyptian art*, University of Texas Press, Austin, USA.
- Robins, G. (2008), *The art of ancient Egypt*, Harvard University Press, Cambridge, UK.
- Schäfer, H. (1986), *Principles of Egyptian art*, Griffith Institute, Oxford, UK.
- Smith, W.S. (1998), *The art and architecture of ancient Egypt*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Spalinger, A.J. (2005), *War in ancient Egypt: the New Kingdom*, Blackwell Publishing, Oxford, UK.
- Taylor, J.H. (2001), *Death and the afterlife in ancient Egypt*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Török, L. (2002), *The image of the ordered world in ancient Nubian art: the construction of the Kushite mind, 800 BC–300 AD*. Brill, Leiden, Netherlands.
- Tversky, B. (2011), "Visualizing thought", *Topics in Cognitive Science*, vol. 3, no. 3, pp. 499–535.
- Weeks, K.R. (1998), *The lost tomb*, William Morrow, New York, USA.
- Wengrow, D. (2006), *The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC*, Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Wilkinson, R.H. (2003), *The complete gods and goddesses of ancient Egypt*, York, USA.
- Wengrow, D. (2006), *The archaeology of early Egypt: social transformations Egypt*, Thames & Hudson, London, UK.
- Willems, H. (2014), *Historical and archaeological aspects of Egyptian funerary culture*, Brill, Leiden, Netherlands.

Информация об авторе

Юрий С. Реунов, кандидат искусствоведения, Центр египтологических исследований Российской академии наук, Москва, Россия; 119071, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 29, стр. 8; yury.reunov@gmail.com

Information about the author

Yury S. Reunov, Cand. of Sci. (Art History), Russian Academy of Sciences Centre for Egyptological Studies, Moscow, Russia; bldg. 8, bld. 29, Leninsky Avenue, Moscow, Russia, 119071; yury.reunov@gmail.com